

Решение снимать фильм "Займёмся любовью" было даже не риском, а сумасшествием.

РИТМЫ ЛЮБВИ

Денис Евстигнеев:

«Найти сюжет – всё равно что найти бриллиант».

Дениса Евстигнеева уже столько раз спрашивали, не давило ли на него, что он сын известных родителей (отец – актёр Евгений Евстигнеев, мать – актриса и театральная режиссёр Галина Волчек), и "какие определяющие вещи появились у него благодаря отцу?" "Лысина!" – отшучивался режиссёр. Поэтому наш обозреватель **Марина КУЗНЕЦОВА** не стала выпытывать у Дениса Евгеньевича, чьё влияние он испытывал в большей степени: мамино, папино или дедушкино – Бориса Израилевича Волчека, знаменитого кинооператора и режиссёра. Но "наводящий" вопрос задала.

– Денис, почему кинематографический ген оказался всё же сильнее театрального?

– Для меня кино (хотя я почти 20 лет в нём работаю) до сих пор остаётся тайной. А театр я узнал рано и не с парадного входа. Там всё было обыденно и привычно. Магии театра я не ощущал, а кино меня потрясло. Например, для съёмок "Короля Лира" (моя мама там снималась) средневековую крепость "построили" из пенопласта. А озёра были сделаны из полиэтилена. Мой дедушка снимал фильм "Командир счастливой "Щуки" и брал меня на съёмки. Как сейчас помню разрезанную пополам подводную лодку. Представляете, какое впечатление всё это на меня произвело!

– Все три ваши картины – фильмы о современности. Их герои находятся на изломе нашей теперешней жизни. Как вы ощущаете современность? Для одних – это время утрат и сломанных судеб, для других – время подъёма и возможности самореализации.

– Десять лет назад я на этот вопрос отвечал сразу. Чеканными формулировками давал определения времени, любви. Сегодня (уж не знаю, признак ли это ума или его отсутствия) не готов давать чёткие ответы. Все мои фильмы – попытки разо-

браться, что это за время. То, что я снимаю картины о современности, – для меня принципиальный, главный вопрос. Хотя делать фильмы на современном материале – невероятно трудно. Можно скрыть фальшь, снимая фильм о XIX веке. В картине про сегодняшнюю жизнь, когда зритель является лучшим критиком, потому что он эту жизнь проживает каждый день, вы не можете себе позволить ни малейшей фальши. Сегодня многие режиссёры уходят в ретро, скрываются за костюмами, декорациями. Поверьте, так легче. А когда ты открыт и как на юру стоишь перед всем миром... Решение снимать фильм "Займёмся любовью" (картину не только о современности, но и о молодёжи) было даже не риском, а сумасшествием. Это пропасть, в которую мы шагнули. Но по реакции первых зрителей понимаю, что на её дно не рухнули.

– Название фильма – перевод английской фразы "Let's make love". Но, посмотрев картину, понимаешь, что в названии присутствует двойственность. Всё вроде так легко, необременительно, а потом оказывается, что любовью надо "заниматься" всерьёз.

– Название нашего фильма кассовое. Пусть зрители, увидев название (довольно пошлое) на афише, подумают, что им предложат историю вроде "Американского пирога". Пусть зритель пойдёт на название – для меня это не важно. Важно – каким он выйдет. Если человек поймёт, о чём мы хотели рассказать, то выйдет он из кинозала совсем с другим словосочетанием: давайте займёмся темой любви. Для меня важна трансформация в самом зрителе. Прочитает он другой смысл в названии после просмотра или нет.

– В картине много забавных моментов. Улыбка, без сомнения, коснётся зрительских глаз. Но в основном я печалилась. Мне было так жалко этих ребят, ваших героев!

– Когда моему тестю Зиновию Ефимовичу Гердту говорили, что вчера по-

Андрей, - 2002 - апрель - с. 26-27.

Денис Евстигнеев в домашней обстановке.

смотрели такой-то фильм, он спрашивал не хороший он или плохой, а "кого-нибудь жалко?" Если отвечали – "жалко", то он шёл смотреть картину. Я тоже считаю, что это самое главное. Ведь "жалко" – это когда у зрителя появляется эмоция, живое чувство. На фильм-ребус, фильм-шараду душа не откликается.

– Я сравнивала свою юность с юностью ваших героев. Да, студенты тогда тоже подрабатывали, а сейчас они (вы это точно показали в картине) "подучиваются" – не столько учатся, сколько работают. Один герой делит любимую девушку с каким-то телебоссом: жить на что-то надо. Другая героиня выходит замуж за старого, противного, но богатого дядьку, сбегает со свадьбы и гибнет по указке муженька. Не я придумала такую жизнь этим детям, но чувство вины перед ними не покидало меня весь фильм. Хотя, может быть, всё

это не более чем старческое брюзжание. Кстати, вы специально лишили героев социальных корней? Ребята ни разу не обмолвились о своих родителях...

– Герои картины в основном говорят о сексе. Мы сознательно лишили фильм социальности. Родители – это уже мир взрослых. А нам со сценаристом Арифом Алиевым важны наши герои только внутри ими же созданного мира. Мы должны были решить ещё один вопрос – вводить ли в фильм наркотики? Они бы придали картине приземлённость, большее ощущение правды, но при этом ушло бы обаяние. Поэтому мы не касались темы наркотиков. А чувства вины у меня нет. Зато есть ощущение, что ребята разберутся в жизни, что это хорошее, сильное поколение. Поколение, которое намного лучше, чем моё. Я в ребят верю и их люблю. Только с такими чувствами можно начинать картину. У меня абсолютно